

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

С. А. ТОКАРЕВ

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА *

Проблемы этногенеза — происхождения отдельных народов — принадлежат к числу самых интересных, но и самых сложных проблем этнографии.

Огромная работа, проделанная советскими исследователями за последние годы по вопросам этногенеза как народов нашей страны, так отчасти и зарубежных, — позволяет, думается нам, подвести некоторые итоги и на основе их поставить некоторые общие вопросы.

1

Как ставилась проблема происхождения народов в прошлом? Если попытаться свести к основным принципам различные способы решения подобных вопросов у старых авторов — античных, средневековых, буржуазных, то можно установить здесь три главных метода: а) «генеалогический» принцип, б) отыскание «предков» и в) идея «прародины».

Первый из этих трех «методов» (если его можно так назвать) является наиболее примитивным и еще в полном смысле донаучным. Происхождение определенного народа разъясняется путем возведения его генеалогии к легендарному родоначальнику. Этот прием можно найти у некоторых античных авторов. В раннесредневековой литературе, проникнутой библейскими представлениями, тоже встречается подобная трактовка этногонической проблемы. В литературе нового времени эта наивная точка зрения совершенно исчезает.

Более научнообразный вид имеет второй способ постановки проблемы происхождения данного народа: попытки отождествить его с тем или иным древним народом, иначе говоря, — поиски «предков». Так поступали, например, со славянами. В XVI—XVIII вв. имела широкое хождение идея о том, что славяне являются потомками древних сарматов (Мартин Кромер); другие считали их вандалами (Альберт Кранц), гетами, фракийцами, иллирийцами и пр.¹ Против таких теорий приходилось бороться еще Добровскому и Шафарыку. В наши дни как курьез вспоминается, что американских индейцев некоторые считали остатками пропавших десяти колен израилевых, — а ведь в это серьезно верили; Лафито же считал их потомками древних греков и римлян. Когда в Европе появились цыгане, ученый мир Европы терялся в догадках о их происхождении и высказывались предположения, что цыгане — потомки или древних египтян, или «сигиннов», упоминаемых Геродотом, или легендарных атлантов и т. д.

* Печатается в порядке обсуждения. *Ред.*

¹ См. L. Niederle, *Slovanské starozitnosti*, I, sv. I, Praha, 1902, глава 2.

В отличие от генеалогической точки зрения, эту «теорию предков» отнюдь нельзя сбрасывать со счетов. Прежде всего ведь и в новой литературе далеко не редкость подобное решение этногонической проблемы. Так, хорошо известны утверждения, что современные осетины суть потомки древних аланов, черкесы — потомки зихов, якуты — не то саков, не то гуннов, или курьканов, уйгуров и пр., мордва — потомки буртасов, коми-зыряне или коми-пермяки — биармийцев, секлеры — гуннов.

Мы отнюдь не можем считать все подобные взгляды неверными. Напротив, они нередко имеют серьезные основания. Так, например, трудно было бы что-либо возразить против достаточно убедительно доказанной исторической связи между древними булгарами и современными чувашами, древними аланами и современными осетинами, древними венедами и позднейшими славянами, древними албанцами и нынешними азербайджанцами. Но, во-первых, даже самая прямая историческая связь еще далеко не есть тождество, — а это не всегда помнят. Все современные народы являются продуктом длительного и сложного исторического процесса. Во-вторых, необходимо дать себе отчет в том, что даже вполне убедительное сближение современного народа с древним еще очень мало помогает понять его происхождение. Это — скорее объяснение известного через неизвестное. Ведь современные народы нам почти всегда лучше известны, чем древние. Вот почему даже твердо доказанная связь, например, нынешних чувашей с древними булгарами — отнюдь не есть ответ на вопрос о их происхождении. Чувашам нам хорошо знакомы — и их антропологический тип, и язык, и культура; о древних же булгарах мы, кроме названия и некоторых остатков материального быта, знаем очень мало. Можно ли поэтому считать «булгарскую теорию» (даже вполне признавая ее обоснованность) решением проблемы этногенеза чувашского народа? Скорее, наоборот, — эта теория может служить ответом на вопрос о том, кто такие были булгары. И в самом деле, не кто иной, как академик Марр, дал анализ древнебулгарского языка, исходя именно из чувашского. Наконец, в-третьих, и что самое важное, — в числе современных народов нет ни одного, который бы не был смешанным по своему происхождению. Указание И. В. Сталина о том, что все новейшие нации сложились «из людей различных рас и племен»², в известной мере можно распространить на все вообще народы. Есть только народы более и менее смешанного происхождения, но нет или почти нет народов, избежавших смешения. Исключения крайне редки. Поэтому никогда нельзя безоговорочно сближать ни один современный народ ни с одним древним.

Таким образом, признавая полную законность попыток выяснения исторических связей между современными и древними народами, мы ни в коем случае не можем удовлетвориться ими в решении вопросов этногенеза. Такие попытки представляют собой в лучшем случае лишь первый шаг в изучении этих вопросов.

2

Третий прием, весьма часто пускаемый в ход, когда ставится вопрос о происхождении отдельных народов, состоит в поисках «п р а р о д и н ы». Подобный оборот мысли сам по себе является тоже достаточно элементарным, и не мудрено, что он встречается и у раннесредневековых авторов. «Откуда пришел» тот или иной народ, почему-либо привлечший к себе внимание, — так очень часто ставился вопрос о его происхождении. Еще средневековые авторы писали о приходе венгров с востока, из Приуралья. В середине XVIII в. исследователи камчадалов —

² И. Сталин, Сочинения, М., 1946, стр. 293.

Крашенинников и Штеллер — выдвигали предположение о переселении этого народа из Монголии³.

Наиболее оживленные поиски «прародины» развернулись в связи с вопросом о происхождении индоевропейцев. Предлагались, как известно, самые различные решения этого вопроса, но все они сводились по существу лишь к отысканию того места на географической карте, откуда бы можно было наиболее правдоподобным образом вывести предков индоевропейских народов. Подобных попыток было сделано так много, что на карте Европы и Азии мало осталось мест, свободных от чьих-либо гипотез о наличии именно здесь индоевропейской прародины. Как ни странно это может показаться, но именно к этим поискам прародины оказалась по существу сведенной вся проблема этногенеза индоевропейцев. Почти то же произошло — только в меньшем объеме, с меньшим обилием и разнообразием гипотез — с проблемой урало-алтайского этногенеза.

Если говорить об этногенезе отдельных народов, то можно напомнить поиски прародины тунгусов (в Маньчжурии, Северном Китае), тех же якутов (в Прибайкалье, на верхнем Енисее, в Средней Азии), древних этрусков (в Передней Азии, в Альпах, даже в Египте и Индии), полинезийцев (в Индокитае, Индии и вплоть до Месопотамии).

Поиски прародины неизбежно связаны с миграционными построениями, но это не одно и то же. Последние чаще всего выступают в виде попыток установить тот путь, каким данный народ передвинулся с прародины на место теперешнего обитания. Установление прародины еще не означает само по себе определение пути миграции. Так, большинство исследователей видит прародину якутов в Прибайкалье, но по вопросу о путях переселения их на среднюю Лену мнения исследователей расходятся: одни ведут якутов вниз по Лене, другие — через Ангару и Енисей, вверх по его правым притокам. Полинезийцев почти все выводят из Юго-восточной Азии, но одни направляют их «южным» путем, через Меланезию, другие — «северным» через Микронезию.

В советской науке установилось отрицательное отношение к научной ценности всех этих построений, связанных с отысканием прародины и путей миграции. Но не все наши исследователи дают себе ясный отчет, в чем собственно заключается методологический порок подобных построений.

Некоторые считают, — и такие заявления нередко слышатся и в устных и в печатных выступлениях, — что никаких миграций вообще не бывает и что понятие «прародины» есть фикция. Но это, конечно, недоразумение. Нельзя серьезно отрицать существование миграций народов, которые происходят на наших глазах и происходили во все времена человеческой истории⁴. Правда, самый характер миграционных движений, равно как и их результаты, бывают весьма различны в зависимости от конкретных исторических условий. Заселение Америки европейскими иммигрантами не похоже на русскую колонизацию Сибири и еще более не похоже на переселение калмыков из Центральной Азии на берега Волги, хотя эти три миграционные волны хронологически, по крайней мере частично, совпадают. Заселение Полинезии морским народом, пришедшим с запада, привело к образованию изумительно однородной культуры на всем ее громадном протяжении. Миграция же древнего населения Северной Азии в Америку через Берингов пролив имела последствием, напротив, появление чрезвычайно разнообразных этнических культур Северной, Центральной и Южной Америки. Для нас не подле-

³ С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, т. II, стр. 10.

⁴ Ср. вполне правильное возражение Е. Ю. Кричевского против «гипертрофированного автохтонизма» и огульного отрицания всяких миграций и связей между народами (Е. Кричевский, О роли межплеменных сношений в древнейшей истории, «Краткие сообщения ИИМК», XIII, 1946, стр. 3—5).

жит сомнению, что миграционные движения в целом ряде случаев должны приниматься во внимание при изучении этногонического процесса на определенной территории.

Менее ясно обстоит дело с понятием «прародины». Здесь все зависит от того, как употреблять этот термин. Одно дело, когда ищут «прародину» не реально существующего народа, а теоретически реконструируемого «пранарода». В этом случае исследователь вращается в мире фиктивных понятий. Так, например, поиски «прародины индоевропейцев» уже по одному тому являются бесплодным занятием, что такого «пранарода» никогда не существовало. Другое дело — когда есть основания предполагать, что территория, где происходило формирование определенной, реально существующей народности, не совпадает с территорией ее теперешнего обитания. Такую территорию трудно назвать иначе как прародиной данной народности. Где бы ни происходил процесс формирования еврейского народа — в Палестине или в Аравии, — во всяком случае эта прародина евреев совсем не совпадает с огромным ареалом нынешнего их расселения. То же можно сказать об арабах, цыганах, армянах: для каждого из этих народов с большей или меньшей точностью может быть указана его прародина. Не будет также никакой ошибки сказать, что прародина калмыков находится в Джунгарии, прародина монголов — в Забайкалье, прародина маньчжур — в бассейне Уссури и т. д.

Таким образом, употребление понятия «прародина» само по себе вполне законно, совершенно так же, как законно пользование понятием «миграция». Методологический порок миграционных теорий и теорий «прародины» заключается вовсе не в том, что они признают бесспорный факт существования прародины и миграций, а совершенно в другом: в том прежде всего, что эти теории незаконно подменяют проблему формирования народа вопросом о его пространственном перемещении. На самом деле проблема этногенеза не только не исчерпывается задачей отыскания прежнего места обитания народа и путей его переселения, но и ставится в совсем ином плане. Проблема этногенеза является, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложной задачей отыскания тех элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ. В этой сложнейшей проблеме момент географических передвижений должен, конечно, учитываться, но далеко не как первостепенный. Второй существенный порок миграционных теорий состоит в том, что эти теории обычно механически понимают самый процесс миграции, рассматривая его как чисто пространственное передвижение. Согласно миграционной концепции, народ, переселяясь даже на значительное расстояние, остается самим собой и, самое большее, лишь теряет по пути некоторые элементы своей культуры или заимствует новые. Так, например, если стать на традиционную точку зрения «южного происхождения якутов», то этот народ таким, как он есть, обитал некогда далеко на юге, в Прибайкалье, а потом переселился в полном составе на среднюю Лену, лишь незначительно обогатив свой культурный инвентарь за счет заимствований у аборигенов-тунгусов: представление весьма наивное и плохо согласующееся с фактами. Наконец, третий грех миграционистов состоит в том, что они очень часто предполагают наличие миграции даже в тех случаях, когда говорить о таковой нет никаких оснований. Так, без каких либо оснований многие буржуазные исследователи полагали, что прародиной китайцев была какая-то западная страна — не то Кашгария, не то даже Месопотамия или Элам⁵. Из новейших теорий этого типа можно указать на статью

⁵ См. об этих теориях Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 54 и др.

акад. Джавахишвили⁶, где этот автор пытается доказать, что предки грузин «могли действительно попасть на свою позднейшую родину лишь с юга», ибо — такова логика автора — они не могли прийти с севера. Во всех подобных предположениях по существу не больше оснований, чем в упомянутой выше гипотезе ученых XVIII в. о происхождении камчадалов из Монголии.

Во многих случаях в основе этих ошибочных миграционных построений лежит своеобразное *qui pro quo*: исследователи наивно принимают часть за целое и наличие в составе данного народа и его культуры отдельных элементов чужеземного происхождения рассматривают как доказательство миграции целого народа. Примеров этому можно привести сколько угодно. Со времени Кастрена принято было считать, что самоеды (ненцы) переселились некогда с юга, из Саяно-Алтайской горной области, и лишь недавно советский исследователь Г. Н. Прокофьев доказал, что в действительности только один из элементов, вошедших в состав самоедских народов и их культуры, связан с Южной Сибирью, другой же, не менее важный элемент, имеет автохтонное арктическое происхождение; культура ненцев, составившаяся из этих разнородных компонентов, сформировалась на месте ее теперешнего бытования⁷. Приблизительно то же можно предполагать о якутах, в культуре которых невозможно отрицать южные скотоводческие элементы, но у которых налицо и бесспорно древние, чисто местные элементы таежной культуры, совершенно игнорировавшиеся старой миграционной теорией. Другие примеры — волжско-камские татары, современные узбеки, североафриканские арабы и многие другие народы, в составе которых имеются кочевнические степные пришлые элементы, но они растворены в местной стихии. Плоская миграционная теория никоим образом не объясняет происхождения этих народов.

Итак, миграционная концепция, которую можно назвать вулгарно-миграционной, как и теория «прародины», не является пригодной основой для правильной постановки проблемы этногенеза. Отрицание ее в современной советской науке вполне законно. Повторим для ясности, что это отнюдь не означает отрицания факта самих миграций и не ведет к обязательному признанию автохтонности всех народов на их теперешней территории. Конечно, слишком далеко идут исследователи, пытающиеся, например, доказать автохтонность японцев на их островах (Богаевский)⁸ или австралийцев на материке Австралии (А. М. Золотарев)⁹.

3

Принципиальную основу разработки школой советской этнографии вопросов этногенеза составляет прежде всего сталинское учение об историческом характере всех современных наций, и их смешанном происхождении. Это учение, с учетом исторической специфики, должно быть основой при исследовании вообще всех современных народностей, в том числе и тех, которые еще не консолидировались как нации.

Чрезвычайно важными для разработки советского учения об этногенетическом процессе являются те методологические выводы, которые вытекают из классических работ акад. Марра. Для нашей проблемы наиболее важной стороной учения Н. Я. Марра является то, что оно разби-

⁶ «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 47—48 и др.

⁷ Г. Н. Прокофьев, Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна, сборн. «Советская этнография», III, 1940, стр. 67 и др.

⁸ Б. Богаевский, Археология на службе у японского империализма, «Сообщения ГАИМК», 1932, № 5—6, стр. 20.

⁹ А. Золотарев, Проблема австралийской культуры, «Сообщения ГАИМК», 1931, № 2.

вает те непроницаемые преграды, которые воздвигала старая лингвистика между народами разных языковых групп. Марр доказал своими работами, что в действительности, вместо этих перегородок, между народами, говорящими даже на самых, казалось бы, отдаленных языках, существуют глубокие исторические связи, проявляющиеся в единстве корнеслова. Другой важный вывод из работ Марра состоит в признании скрещенного происхождения всех современных языков. Это учение о скрещенности языков прекрасно согласуется со сталинским учением о смешанном происхождении современных наций и составляет глубокую и прочную основу советских работ в области этногенетической проблемы.

Советская наука решительно отвергает понимание этнических групп как неподвижных и неизменных сущностей с извечно пребывающими свойствами. Она смотрит на эти группы как на продукты исторического развития. Этнические группы — племена, народы, нации — возникают в ходе истории, изменяются и изменяют свои признаки и особенности, сливаются и распадаются. Советская наука «изучает не метафизический, раз навсегда установившийся «этнос», — совершенно справедливо указывает А. Д. Удальцов, — но процессы этногенеза в жизни племен и народов, протекающие на основе развития производительных сил и производственных отношений, исторически развивающихся все более тесных взаимных сношений и объединений, скрещений и культурных влияний»¹⁰.

Самый процесс этногенеза мы рассматриваем тоже не как однократный акт, в результате которого как бы в один прием формируется народность, в дальнейшем остающаяся навсегда или надолго неизменной, а как перманентный процесс, в ходе которого происходит хотя бы и медленное и незаметное, но непрерывное изменение этнического облика данной группы. Если, например, русский (великорусский) народ сформировался в основном в XIV—XV вв., то это никоим образом не значит, что с того времени он существует без изменений. Между русским народом XVI в. и русским народом XX в. не меньшая, если не большая разница, даже с чисто этнографической точки зрения, чем между русскими XVI в. и кривичами или вятичами IX в. Но эти медленные и постепенные изменения в этническом облике могут в известные моменты сменяться резкими и коренными сдвигами, в ходе которых в короткое время складывается новая народность. На такие «переломные, критические периоды», случающиеся в истории народов, указывает вполне справедливо тот же А. Д. Удальцов¹¹. Эти критические периоды часто совпадают с узловыми моментами в развитии самого общества, с моментами смены социально-экономических формаций. Так народы древности (египтяне, сумеры, ассирийцы, персы, эллины, римляне и др.) сформировались на основе племенных групп одновременно и в связи с процессом становления классового рабовладельческого строя и первых государств. Так нации современной Европы образовались из средневековых народностей и областных этнических групп в эпоху и в связи с переходом от феодализма к капитализму.

В периоды «этнического кризиса», когда в короткое время меняется этнический облик народа или, можно сказать, возникает новый народ, — очень важную роль в этом процессе играет этническое скрещение. Оно представляет собой амальгамацию разных этнических групп, чаще близких и родственных между собой, но иногда и неродственных. Из разноплеменного и разноязычного конгломерата образуется единое целое. Так, в эпоху объединения Египта создава-

¹⁰ А. Д. Удальцов. Теоретические основы этногенетических исследований. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 302; то же см. «Известия АН СССР, Серия истории и философии», 1, № 6.

¹¹ Там же.

лась из племенных групп «номов» египетская народность, в эпоху формирования греческих городских республик из ионийцев, ахейцев, дорийцев, эолийцев сложилась эллинская народность. В новое время так складывалась французская нация — из областных феодальных групп пикардийцев, нормандцев, бургундцев, лотарингцев, овернцев, гасконцев и др.; итальянская — из тосканцев, романцев, калабрийцев, пьемонтцев, ломбардцев, венецианцев и пр. Однако нельзя превращать скрещение, как это делают некоторые, в универсальный инструмент этногенеза. Оно прежде всего является не самостоятельным, а производным фактором, а кроме того, наряду со скрещением, бывает и обратный процесс — разветвление, играющее тоже известную роль в этногоническом процессе.

Самый характер этнических образований не одинаков на разных стадиях исторического развития. Для первобытной эпохи характерно племя. Племя возникает отнюдь не на грани доклассового и классового общества, как полагают некоторые. Как этнокультурная группа племя существует с самого начала человеческой истории; оно было, вероятно, формой антропогенетического процесса. В раннеклассовую эпоху на основе скрещения племен возникают народы, как более сложные образования. Народ как этническая единица сохраняет свое значение и в дальнейшем, вплоть до наших дней. В эпоху разложения феодализма и развития капиталистического строя формируются нации. Классическое определение и анализ нации как исторической категории дал И. В. Сталин, указавший и на исторические условия становления наций. Нации, как и народы, продолжают существовать и в наши дни и, вероятно, просуществуют еще долгое время даже после победы коммунизма во всем мире.

И. В. Сталин отметил тот характерный факт, что разные нации формировались одновременно: одни раньше, другие позже. В Западной Европе большинство наций сложилось еще до образования национальных государств или одновременно с этим. В Центральной же и Восточной Европе (Австро-Венгрия, Россия) образование государств, напротив, предшествовало становлению наций, будучи ускорено внешними причинами. Многие народы России консолидировались как нации в новейшее время: таковы, например, грузины, еще в середине XIX в. не составлявшие единой нации, а делившиеся на обособленные народности — кахетинцев, карталинцев, имеретинцев, мегрелов и др.; таковы армяне, латыши, литовцы. Некоторым народам нашей страны только Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность сложиться в нации, ликвидировать пережитки племенной раздробленности. Так, на наших глазах завершается становление как наций узбеков, туркмен, хакасов, бурят.

Составляя одну из важнейших проблем этнографической науки, этногонический процесс, однако, интересует далеко не одних этнографов. Напротив, вопросами происхождения отдельных народов занимались и занимаются ученые разных специальностей: историки, лингвисты, археологи, антропологи. Больше того: этнографы до сих пор значительно отстают от своих собратьев в постановке и решении вопросов этногенеза целого ряда народов, в особенности европейских. Вследствие этого создается значительная неполнота освещения этих проблем. Хотя в целом советская наука, используя прежние работы и идя своим собственным путем, сделала бесспорно очень много для выяснения вопросов происхождения разных народов, как древних, так в особенности современных, — тем не менее проблема этногенеза не разрешена до конца до сих пор ни для одного народа.

Казалось бы, в наиболее благоприятном положении находятся в этом отношении народы Европы — итальянцы, испанцы, французы, немцы, англичане и др. По ним собраны хорошие исторические источники, непосредственно документирующие процесс формирования этих народов, — и мы говорим в этих случаях, что процесс этногенеза протекает здесь «на глазах истории». Языки этих народов изучены, с точки зрения их происхождения и истории, достаточно подробно. Широко привлечены и археологические памятники, а в последнее время — трудами, в частности, советских ученых — выяснен в значительной мере и расовый состав европейских народов. В наименьшей степени применялся здесь анализ этнографического материала, т. е. прежде всего культурного инвентаря. Он изучен, правда, по некоторым странам весьма тщательно, но мало можно указать обобщающих работ (типа исследований Мейтцена, Хаберланда), где данные материальной и духовной культуры европейских народов использовались бы для выяснения вопросов их этногенеза. И именно в силу этого отставания этнографического анализа проблема происхождения народов Европы еще далеко не может считаться разрешенной.

Изучение этногенеза народов ССР и внеевропейских народов сделало за последние годы большие успехи. Но и здесь многое остается неясным и опять-таки прежде всего с этнографической стороны.

Немного можно найти примеров, когда процесс формирования народности освещен в большей или меньшей степени непосредственными письменными источниками: в таком счастливом положении находится вопрос о происхождении узбеков, калмыков, отчасти зарубежных монголов. С известными оговорками это можно сказать и о последних этапах формирования восточнославянских народов — о становлении русской, белорусской и украинской наций. В этих случаях привлечение данных антропологии, археологии, языка, анализ культуры можно считать второстепенной задачей, ибо эти данные лишь подтверждают непосредственно засвидетельствованный процесс.

Но от таких сравнительно благоприятных случаев следует отличать те, когда исторические источники дают лишь кажущиеся опорные точки. Мы имеем в виду те случаи, когда исследователь имеет перед собой в письменном источнике не свидетельство о реальном историческом процессе, а лишь чисто формальные данные, например названия народов. Делать какие-либо выводы из совпадения или сходства названий — дело весьма рискованное, даже если совпадение может считаться не случайным. Неосторожное пользование подобного рода чисто словесными сближениями ведет к большой ошибке: исследователь невольно подменяет изучение реального процесса становления народа прослеживанием истории его наименования.

Необходимость строго осторожного использования древних сведений о названиях народов делается еще более очевидной, если учесть, что название народа, даваемое ему соседями или, тем более, отдаленными народами, очень часто не совпадает с его самоназванием и нередко имеет случайное происхождение. Известны многочисленные факты, когда под одним названием смешиваются совершенно различные народы, когда название одного переносится на другой, а иногда получает весьма неопределенное значение. Известно, например, что «остяками» русские называли в Сибири три совершенно различных народа, принадлежащих к трем разным языковым группам: хантов, селькупов и кетов. Название «юкагиры» было в XVII в., по видимому, собирательным обозначением для целого конгломерата племен, вероятно, разноязычных (шоромбойцы, ходынцы, чуванцы, анаулы). Под названием «киргизов» в XIX и начале XX в. фигурировали как настоящие киргизы, так и казахи — совсем другой народ. А кого только не называли прежде «татарами»! Не только самые разнообразные тюркоязычные народы (азер-

байджанцев, северокавказских тюрков, шорцев, тубаларов, хакасов, чулымцев и других в Сибири), но иногда и монголоязычные («бращских татар» — бурят) и даже палеоазиатские (гиляков: Крузенштерн); в западноевропейской же литературе в число «татар» заносились порой и русские. При такой неряшливости в этнической номенклатуре даже в новейшее время — чего можно требовать от античных авторов (получавших притом свои сведения зачастую из вторых и третьих рук), когда они говорят о «скифах», «сарматах», «массагетах», «германцах» и т. д.? И много ли при этих условиях можно извлечь из их сообщений, если только не подкреплять их иными источниками?

5

Археологические источники часто используются как вспомогательный материал при решении этногенетических проблем, но в качестве главной основы для такого решения фигурируют редко. Это и понятно. Мертвые памятники культуры, даже при наиболее благоприятных обстоятельствах, при достаточном обилии и хорошей изученности, еще далеко не позволяют решать вопрос об этнической принадлежности их древних носителей. Этнографам хорошо известны факты, когда одна и та же (или весьма сходная) материальная культура свойственна народам, совершенно различным по языку и по происхождению, — особенно, если эти народы живут рядом и в сходных условиях. Примеров этому можно привести множество: папуасы и меланезийцы Новой Гвинеи, племена калифорнийских индейцев, принадлежащие к нескольким совершенно различным языковым группам, эскимосы и береговые чукчи и коряки, нивхи и ульчи (в меньшей степени и нанайцы), кеты и селькупы, карелы и их русские соседи, эстонцы и северные латыши, наконец, современные мадьяры и соседние с ними славянские народы. Во всех этих случаях материальная культура соседних, но чуждых друг другу по языку народов так близка, что, попадись памятники этой культуры на глаза археологу, он едва ли поколебался бы приписать их одному и тому же народу.

Не менее часты и обратные случаи, когда отдельные географические группы одной и той же народности обнаруживают такие различия, что, если бы не знать, что перед нами один народ, предположить это было бы трудно. Что, например, общего в материальной культуре северозападных и восточных башкир? Первые — издавна оседлые земледельцы, во многом близкие марийцам, чувашам и мордве, вторые — в недавнем прошлом кочевники-скотоводы — близкие к казахам. Едва ли археолог, увидев впоследствии культурные остатки этих двух групп, признал бы их принадлежащими одному и тому же народу. Весьма значительны также различия в культуре между южными и северными якутами, между береговыми и кочевыми чукчами, между такими же группами коряков, между горными и равнинными таджиками и т. д.

Вот почему изучение одних только археологических памятников, хотя бы и очень тщательное, не может само по себе дать достаточно бесспорных указаний на этногенетический процесс. Хотя современные археологи порой весьма уверенно говорят о «славянской», «восточнофинской» и тому подобной керамике I тысячелетия н. э., о «славянских височных кольцах», о принадлежности полей погребения славянам и т. п., но по существу это не более как предположения, вероятные лишь в той мере, в какой они подкрепляются другими источниками; ни погребения, ни горшки не могут ничего сказать нам о том, на каком языке разговаривали их обладатели или создатели; нет ничего неправдоподобного в том, что одинаковая керамика могла принадлежать славянским и финским племенам.

Зато в тех случаях, когда археологические материалы используются

в сочетании с данными письменных и других источников, этногонический процесс получает более верное и полное освещение. Примером могут служить ценные работы Арциховского, Рыбакова, посвященные памятникам восточнославянских племен, уточняющие и углубляющие картину восточнославянского этногенеза. Очень много для понимания этногонического процесса дают раскопки советских археологов в разных районах Сибири: работы В. Н. Чернецова на Оби¹², С. В. Киселева в Саяно-Алтайских горах¹³, А. П. Окладникова на Лене¹⁴ проливают новый свет на происхождение хантов и манси, алтайцев и хакасов, бурят, эвенков, якутов. Особенно важны раскопки Окладникова, ибо они освещают как раз ту сторону процесса якутского этногенеза, которая до сих пор оставалась в тени: развитие аборигенного субстрата, влившееся в состав якутской народности.

Наконец, блестящим примером того, что может дать археология для понимания этногонического процесса, служат новейшие раскопки С. П. Толстова в Приаралье (1937—1940 и 1945—1948 гг.) и основанные на них прекрасные исследования его в области древней и средневековой истории Средней Азии¹⁵. В этих исследованиях, где мастерски использован и документальный, и языковой, и этнографический материал, автором прослеживаются на широком историческом фоне процессы формирования и развития народов Средней Азии, их этнические и культурные связи с народами Восточной Европы, Южной Сибири, Центральной и Южной Азии.

6

Антропологические данные старая буржуазная наука применяла в решении вопросов этногенеза в большинстве случаев неправильно и неудачно. Это и не могло быть иначе до тех пор, пока существовало смешение расы и народности. Характерным примером бесплодности такого оперирования данными антропологии служит известная «кельто-славянская» теория французских антропологов Катрфажа, Брока, Топинара и других — теория, против которой весьма убедительно выступали Богданов, Анучин, Нидерле и ряд других ученых. Впоследствии этот ошибочный метод выродился в антинаучные фантазии немецко-фашистских расистов — Гюнтера и компании.

Напротив, советская антропология перенесла вопрос в совершенно иную плоскость. Применение метода расового анализа при сплошном или выборочном антропологическом обследовании больших групп населения и крупных территорий дало чрезвычайно успешные результаты. За последние годы такими обследованиями покрыта значительная часть территории СССР: работы А. И. Ярхо среди тюркских народностей Сибири, Средней Азии и Кавказа, работы Г. Ф. Дебеца и М. Г. Левина у разных народов Сибири и Севера, Н. Н. Чебоксарова — среди русского и нерусского населения Севера, Т. А. Трофимовой — над ископаемым:

¹² В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских угров, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941 и др.

¹³ С. В. Киселев, Советская археология Сибири периода металла, ВДИ, № 1 (2), 1938; его же, Древняя история южной Сибири, Докл. и сообщ. Ист. фак. МГУ, в. 5, 1947 и др.

¹⁴ А. П. Окладников, Археология и основные вопросы древней истории Якутии, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941; его же, Исторический путь народов Якутии, Якутск, 1943; его же, Древняя письменность якутов, Якутск, 1942; его же, Ленские древности, вып. 1, 2, Якутск, 1945—1946; его же, Археологические памятники и древние культуры на Нижней Лене, «Ученые записки Якутского гос. пед. ин-та», 1, 1944; его же, Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен, «Краткие сообщения ИИМК», XIII, 1946, и др.

¹⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древне-хорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.

и современным материалом по народам Восточной Европы, Л. В. Ошанина и В. В. Гинзбурга — по народам Средней Азии и ряд других исследований — в огромной степени прояснили картину расового состава населения Советского Союза. Они показали прежде всего и самым бесспорным образом, что одни и те же расовые элементы входят в состав самых различных народов, очень далеких друг от друга по языку и культуре, и что один и тот же расовый тип может распространяться на чрезвычайно большой территории, независимо от этнического состава ее населения. Эти исследования показали тем самым как нельзя более наглядно смешанный состав и происхождение всех народов¹⁶.

Однако совершенно ясно, что антропологические исследования освещают только одну сторону проблемы: они дают понятие лишь о происхождении самого населения, его физического состава. Но ведь в понятие народности входит и язык и культура, о происхождении и развитии которых антропологический материал не может дать ни малейшего представления. Таким образом, работа антрополога должна непременно сочетаться с лингвистическим и чисто этнографическим анализом, чтобы привести к сколько-нибудь полным результатам¹⁷.

7

Что касается лингвистических исследований в области проблем этногенеза, то и здесь можно указать на то же закономерное явление: когда эти исследования производятся в увязке с данными других источников, в особенности с этнографическими, они дают весьма положительные результаты; если же исследователь забывает о необходимости такой увязки, он неизбежно суживает проблему и дает одностороннее ее решение: этногенез подменяется глоттогенезом.

Язык является важнейшим, но не единственным этническим признаком. Нередки случаи, когда разные народы говорят на одном и том же языке; наиболее известные примеры — языки английский, испанский, арабский, на каждом из которых говорит большое число народов. Можно вспомнить еще сербов и хорватов, датчан и норвежцев, якутов и долган, татов-мусульман и татов-евреев, коми-зырян и коми-пермяков и ряд других примеров. Нельзя не указать и на другое обстоятельство: различия между диалектами языка одного и того же народа нередко бывают так велики, что мы можем говорить в сущности о наличии разных языков. Так обстоит дело с лужицкими сербами, у которых, как известно, два самостоятельных, даже литературных языка. Еще более яркий пример — мордовский народ, говорящий на двух друг другу непонятных языках — мокшанском и эрзянском.

Хорошо известны многочисленные факты несовпадения языковой принадлежности с национальным самосознанием, что относится и к отдельным индивидам и к целым группам, — факты, учитываемые в статистике большинства современных государств и заставляющие придавать очень большое значение самому понятию национального или этнического само-

¹⁶ В недавно опубликованной прекрасной сводной работе Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» (Л., 1948) собран весь известный в настоящее время материал по антропологии ископаемых человеческих рас на территории нашей страны. Автор делает осторожные, но весьма существенные выводы из этого материала, имеющие большое значение для изучения этногенеза отдельных этнических групп СССР: славян и финнов, тюркских народов и др.

¹⁷ Хороший пример умелого сочетания антропологического материала с данными археологии, этнографии и частью языка представляют работы Н. Н. Чебоксарова, посвященные этногенезу китайцев и других народов Восточной Азии: «К вопросу о происхождении китайцев» («Советская этнография», 1947, № 1), «Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии» (Труды Института этнографии, Новая серия, т. II, 1947).

сознания. Так, эльзасцы говорят на диалекте немецкого языка, но считают себя французами. Большинство ирландцев говорит по-английски, но национальное ирландское самосознание у них сильно развито. Галисийцы составляют часть испанского народа, но их речь — диалект португальского языка. Маленькая группа истро-румын сохранила доныне свой романский язык, но считает себя хорватами. Наконец, евреи в очень многих странах совершенно утратили свой прежний язык и говорят на языках окружающего населения, однако у них в большинстве случаев сохраняется сознание своей этнической обособленности.

Но даже и в случаях совпадения границ языка с границами народности характеристика последней далеко не исчерпывается языком, ибо народность характеризуется множеством разнообразных признаков. Вот почему выяснение происхождения языка проливает свет на истоки формирования данной народности, но само по себе не разъясняет их до конца.

Как один из многих примеров, показывающих, что может дать лингвистика для понимания этногенеза народов, напомним проблему чувашского этногенеза.

Вопрос о происхождении чувашей до сих пор решается главным образом на основании данных языка: эти последние еще в XIX в. привели исследователей к правильному заключению об исторической связи чувашей с волжскими булгарами, но дальше этого дело тогда не пошло. Н. Я. Марр, пользуясь теми же данными языка, прощупал гораздо более древние корни чувашской (и болгарской) народности, протянув нити и к другим народам Восточной Европы. Однако до тех пор, пока не будет подвергнут серьезному анализу этнографический материал — культура чувашей, вопрос о происхождении этого народа не может быть до конца разрешен.

Выше говорилось уже о том крупном принципиальном значении, какое имеют для решения проблем этногенеза в советской науке работы Н. Я. Марра. Но, помимо их большой общеметодологической ценности, лингвистические исследования акад. Марра дают много важного материала и для освещения этногенеза отдельных народов Европы, Азии, Африки: трудно и перечислить все те народы, языков которых касался так или иначе в своих работах Н. Я. Марр и на происхождение которых эти работы проливают в той или иной мере свет. Приходится лишь пожалеть, что в настоящее время в среде советских лингвистов эти традиции великого советского ученого находят себе далеко недостаточное продолжение.

Следует отметить, что во многих случаях и не только у буржуазных лингвистов, но и у советских исследователей замечается некоторое смешение проблем этногенеза и глоттогенеза. Так, например, вопрос о происхождении славянских народов в работах целого ряда буржуазных лингвистов оказался суженным и подмененным проблемой возникновения и развития славянских языков. Так получилось у Шахматова, у Соболевского, Эндзелина, Лэр-Сплавинского и других. Работы эти могут представлять сами по себе большой интерес, но проблему славянского этногенеза они так же мало решают, как названные выше чисто антропологические и археологические исследования.

Подобное смешение проблем этногонической и глоттогонической отмечается и по отношению к более широкому кругу — индоевропейских народов. Но здесь положение несколько иное. Само понятие «индоевропейский» относится по существу только к языкам¹⁸⁻²⁰. Но в буржуазной

¹⁸⁻²⁰ См. М. И. Артамонов, Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра, «Вестник Ленинградского ун-та, 1947, № 2, стр. 99 и др.

литературе уже больше 100 лет упорно ставится вопрос об «индоевропейцах» как о гипотетическом «пранароде». Десятки исследователей — от Гримма до Шрадера — занимались поисками местообитания этих загадочных «индоевропейцев» и старались определить их уровень развития, культурный инвентарь и даже общественный строй. Все это делалось почти исключительно на основании языкового материала, который при этом анализировался порочным формально-сравнительным методом. В результате получались совершенно фиктивные построения, не отвечающие никакой реальности. Здесь особенно отчетливо видно, к чему приводит превышение лингвистами своих возможностей, когда они берутся самостоятельно решать проблемы этногенеза.

Даже и в современной советской литературе индоевропейская проблема не получила достаточной ясности. Советские исследователи отказались от миража «индоевропейского пранарода» и от поисков его «прародины», но самое понятие «индоевропейцы» еще продолжает употребляться в несколько неопределенном значении. Это можно сказать даже о некоторых работах таких видных советских ученых, как А. Д. Удальцов и С. П. Толстов, ибо в них нет должной ясности, — говорят ли авторы об индоевропейских языках или об «индоевропейцах»²¹.

К лингвистическим исследованиям в области проблем этногенеза примыкает хорошо известная и часто используемая группа источников — топонимика, т. е. местные названия. Всем известно, какую крупную роль играл и играет топонимический материал в исследованиях этногенеза славян, кельтов, финнов, иранцев и других народов²². Хотя в каждом случае применение топонимического метода вызывало много споров, однако принципиальная сторона дела здесь совершенно ясна и не возбуждает сомнений. В данной связи мы можем не останавливаться особо на этом вопросе.

8

Мы видим, что без привлечения этнографического материала ни один вид источников не дает возможности полного решения проблемы этногенеза. Понять происхождение народа — это не значит установить историческую преемственность его названия или найти местность, где раньше жили его предки, или проследить эволюцию остатков древних культур на теперешней его территории; это не значит также выяснить историю языка, на котором он говорит, или, наконец, установить, из каких расовых элементов данный народ сложился. Все это нужно и важно, но всего этого совершенно недостаточно. Чтобы понять происхождение народа, необходимо также, и в особенности, выяснить генезис и развитие того культурного облика, которым по преимуществу характеризуется каждый данный народ. Культурный облик во всей его совокупности, включая сюда, конечно, и язык и все исторические традиции, — вот что отличает один народ от другого, что придает каждому из них индивидуальность. Следовательно, проблема этногенеза состоит по преимуществу в выяснении элементов этого культурного облика. Каково происхождение этих элементов, где их исторические корни, как и в силу каких условий эти элементы сложились в некое целое, как они видоизменялись в ходе развития народа, — вот круг вопросов, к разрешению которых должна сводиться по существу трактовка про-

²¹ См. статьи С. П. Толстова и А. Д. Удальцова, «Краткие сообщения» Института этнографии, I, М., 1946.

²² См., например, А. Соболевский, Русско-скифские этюды, Л., 1924; его же, Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии, «Живая старина», ч. 3-я, вып. 4, 1893; С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории, Исторические записки, 17, 1945; А. И. Попов, Топонимика Белозерского края, «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, Серия востоковедческих наук», вып. 2, 1948, и многие другие.

блем этногенеза. Ясно, что первую и главную роль должна здесь играть именно этнография, хотя и все другие дисциплины, о которых выше шла речь, должны в полной мере вносить свои вклады в решение этих проблем.

Между тем, как уже говорилось, использование собственно этнографических источников при разработке вопросов этногенеза у нас, к сожалению, сильно отстает, по крайней мере, когда дело касается народов, имеющих свою писаную историю. Как это ни странно, но при решении этих, казалось бы, сугубо этнографических вопросов, об этнографии иногда попросту забывают. Дело доходит до курьезов. В учебнике «История СССР», изданном для исторических факультетов в 1939 г. (т. I, стр. 81), по вопросу о происхождении славян говорится, что этот вопрос «может быть решен только общими усилиями археологов, лингвистов и историков», причем об этнографах странным образом позабыто. Совершенно такое же забвение этнографии мы находим в тезисах А. Д. Удальцова о «теоретических основах этногенетических исследований», где перечисляются «приемы исследований»: археологический, антропологический, лингвистический и исторический²³. Это, конечно, не случайно, и виноваты здесь только сами этнографы. Действительно, ни в вопросе о происхождении славян вообще, ни в вопросе о происхождении русского, украинского, белорусского народов и ряда других этнография в сущности не сделала пока почти ничего и все эти вопросы решались и, увы, продолжают решаться помимо участия этнографов.

Зато советскими, а частью еще и дореволюционными этнографами проделана большая работа по вопросам этногенеза более отсталых, «бесписьменных» народов, как СССР, так и зарубежных. Здесь накопился известный опыт, который было своевременно подытожить, чтобы попытаться применить его и к изучению происхождения славянских и других высококультурных народов.

Какими материалами, вообще говоря, располагает этнографическая наука и какими методами она пользуется при постановке и решении вопросов этногенеза? Что дает сам по себе этнографический материал для разработки этих вопросов? Мне думается, что этот материал можно разделить на три главные группы: 1) этногонические легенды, т. е. собственные предания данного народа о своем происхождении или о своем прошлом, 2) родоплеменной состав народа и названия входящих в него подразделений и 3) материальная и духовная культура народа и анализ ее элементов. Порядок, в каком здесь названы эти три группы источников, приблизительно отвечает возрастающей степени их познавательной ценности. Рассмотрим коротко каждый из этих трех видов источников, которые могут быть названы этнографическими в собственном смысле слова.

9

Предания народов об их собственном происхождении — хорошо известный источник, который раньше, чем какие-либо другие, начал использоваться при постановке вопросов этногенеза. Ведь и библейские рассказы и мнения ряда античных авторов о прошлом того или иного народа — о происхождении еврейского народа, греческих племен, города Рима и его жителей — основаны были почти целиком на устных преданиях. То же относится и к арийцам Индии, к китайцам и другим древним народам Азии.

²³ См. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 302. Впрочем, в полном тексте доклада (статьи) А. Д. Удальцова этнографический «прием» исследования упоминается наряду с другими («Известия АН СССР», I, № 6, стр. 253).

Современная этнография располагает обширным фондом этногонических преданий у народов всех частей света. Она широко использует этот источник, однако не преувеличивает его ценности. Правда, и сейчас еще не редкость встретить в литературе недостаточно критическое пользование этногоническими легендами, однако серьезные исследователи обычно не впадают в подобную ошибку.

Следует отметить прежде всего один факт, еще не разъясненный в нашей науке, — крайнюю неравномерность развития этногонических преданий у разных народов: в то время как у одних народов мы находим богатые и, по крайней мере по видимости, очень точные предания о своем прошлом, у других народов их почти нет. Так, например, хорошо известны многочисленные легенды полинезийцев о переселениях их предков, легенды, поражающие точностью генеалогий, имен, мест, счета поколений; соседние же и близкие по культуре меланезийцы представляют в этом отношении самый разительный контраст, ибо у них не существует ровно никаких исторических преданий; исследователи не раз с некоторым удивлением отмечали, что меланезийцы помнят только те события, которые произошли на глазах живущего поколения, а все, что было раньше, их совершенно не интересует. Этот факт едва ли объясним одним различием в уровне общественно-культурного развития: и наличие и отсутствие этногонических преданий наблюдается на самых различных исторических ступенях.

Неодинаковы, далее, и самый характер преданий, а вместе с тем и степень их ценности как источника. У наиболее отсталых народов, как австралийцы, андаманцы, бушмены, предания о прошлом сводятся в большинстве к мифам тотемического типа, где говорится о происхождении племен и их подразделений от фантастических зоо-антропоморфных «предков». Однако и в этих мифах можно найти историческое зерно: оно состоит в рассказах о переселениях этих предков. Эти рассказы о переселениях содержат в себе вполне определенные географические указания; прослеживая и проверяя их при помощи других данных, мы убеждаемся, что в тотемических мифах сохранились смутные воспоминания о древних путях передвижений племен. Например, пути скитаний тотемических предков, упоминаемые в мифах австралийцев, суть, видимо, не что иное, как те направления, по которым шло некогда заселение материка Австралии или по которым происходило — а частью и происходит — культурное общение. Аналогичные предания находим мы у североамериканских индейцев, и в них тоже из-под мифологической оболочки можно прощупать историческую основу. У более развитых народов, как полинезийцев, мифологический элемент в преданиях может почти или совсем отсутствовать.

Этногонические предания сводятся к трем основным мотивам: генеалогические легенды о происхождении от «предка»; рассказы о переселениях; предания об автохтонах — прежних жителях данной страны. Эти мотивы нередко сочетаются, то по два, то все три.

Если прежние этнографы нередко принимали за чистую монету эти предания, то накопленный советскими исследователями опыт позволяет и здесь выделить историческое зерно. Хорошим примером могут служить этногонические легенды якутов. Прежние авторы слишком буквально верили якутским преданиям об Омогое и Эллее, предках якутского народа, переселившихся из Прибайкалья на среднюю Лену, и на этом строили целую теорию «южного происхождения якутов», подкрепленную, правда, и другими фактами. С другой стороны, легенды якутов о прежних обитателях их страны понимались тоже буквально, как воспоминания об исчезнувших аборигенах. Критическое изучение преданий, с привлечением всех прочих источников, дает возможность взглянуть на вопрос иначе. И легенды о переселении Омогоя и Эллея, и рассказы о древних насельниках края — сартолах, тагусах и пр. — отражают лишь

разные стороны одного и того же этногонического процесса, в котором из разнообразных аборигенных и пришлых элементов сложилась современная якутская народность. «Омогой» и «Эллей» являются такими же «предками» этой народности, как и сартолы и тагусы. Аналогичный пример найдем у ненцев: их легенды о «сиртя» — древнем исчезнувшем народе, который оставил после себя развалины подземных жилищ, представляют собой, как это хорошо показал Г. Н. Прокофьев, смутное воспоминание об аборигенном слое, вошедшем в состав современного ненецкого народа²⁴. Нечто сходное дают эвенкийские и бурятские предания.

Есть случаи, когда этногонические легенды, даже при самом строгом критическом к ним отношении, остаются важнейшим источником для суждения о происхождении данного народа. Наиболее яркий пример — полинезийцы. Современная наука, в особенности после работ Форнандера, Перси-Смита и Питера Бёка, признала большую ценность за легендами этого народа, говорящими о переселениях предков. Предания, рассказываемые на разных, далеких один от другого островах, совпадают нередко даже в подробностях, в именах, в счете поколений. Они, кроме того, подтверждаются данными языка, анализом культуры²⁵. Приходится в значительной мере принимать всерьез эти полинезийские легенды, и едва ли имела бы шансы на успех любая теория этногенеза полинезийцев, если бы она противоречила этим легендам.

Напротив, встречаются случаи, когда этногонические легенды имеют очень слабую историческую основу или совсем ее лишены, будучи порождены каким-то недоразумением. Например, часть венгерского народа, секлеры, доныне сохраняют предание о своем происхождении от гуннов Аттилы; по этому вопросу в литературе велась и продолжает вестись полемика, но никто до сих пор не доказал, что в основе этой легенды лежит исторический факт²⁶. Еще более характерные факты, можно найти на Кавказе, где упорно держится, например, легенда о западноевропейском происхождении кубачинцев²⁷ или об египетском происхождении черкесов, — легенды, основанные на недоразумении. Известны факты, когда подобные легенды имеют литературное происхождение или когда они сочинялись преднамеренно с определенной целью. Можно напомнить басню о происхождении цыган из Египта, пущенную в ход, вероятно, самими цыганскими предводителями и долго державшую в заблуждении общественное мнение Европы. Аналогичного происхождения и легенда, обращающаяся среди караимов, о происхождении этого народа от древнего израильского царства.

Резюмируя сказанное, следует признать, что этногонические предания сами по себе составляют далеко не первостепенного значения источник для проблемы происхождения народов. Лишь в редких случаях он выступает на первый план (полинезийцы), но и тогда необходимо строго критическое отношение к этногоническим преданиям и проверка их при помощи других источников. Чаще же историческое зерно удастся обнаружить лишь при помощи анализа в свете общего нашего понимания этногонического процесса.

²⁴ Г. Прокофьев, *Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна*, стр. 70.

²⁵ Peter H. Buck (Te Rangi Hiroa), *Vikings of the Sunrise*, 1938; J. Weckler, *Polynesians, explorers of the Pacific*, Washington, 1943.

²⁶ P. Hunfalvy, *Ethnographie von Ungarn*, стр. 186—190, 200—202; B. Homant, *Der Ursprung der Siebenbürger Székler*, *Ungar. Jahrb.*, II, 1522, H. 1; K. Schünemann, *Zur Herkunft der Siebenbürger Schékler*, *Ungar. Jahrb.*, IV, 1924, H. 3—4.

²⁷ Н. Яковлев, *Языки и народы Кавказа*, 1930, стр. 27*.

Вторая группа чисто этнографических материалов, используемых для решения проблем этногенеза, это то, что можно назвать г е н е о н и м и к о й, т. е. родоплеменные деления внутри данного народа и их названия. Здесь перед нами, бесспорно, более «объективный» и более надежный источник.

Речь идет прежде всего о том, не раз отмечавшемся в советской литературе факте, что названия родоплеменных делений разных народов нередко оказываются одними и теми же на более или менее обширной территории или повторяются у народов, отдаленных друг от друга. Так, например, род Иргит, Иркил встречается у тувинцев, у хакасов (сагайцев), у алтайцев, и даже в далекой Якутии, на р. Яне еще в XVII в. встречалась «Эргитская волость». Род Мундус известен на Алтае и у тянь-шанских киргизов. В Средней Азии можно указать целый ряд названий родов, повторяющихся одинаково у казахов, узбеков, у каракалпаков и в меньшей степени у туркмен. Уже один этот факт одноименности родовых делений у разных народов,— факт, настолько часто отмечаемый, что его никоим образом нельзя считать случайностью, ведет к очень важным выводам о происхождении народов, о которых идет речь. Они оказываются составленными, по крайней мере, отчасти, из одних и тех же этнических элементов. Отсюда естественен вывод об исторической общности происхождения этих народов, об их взаимном родстве. Разумеется, этот вывод подлежит каждый раз проверке на других свидетельствах.

Не менее интересен и обратный, нередко регистрируемый факт: н е с х о д с т в о родовых делений у определенных народов. Так, например, если перечисленные выше народы Средней Азии (казахи, каракалпаки, узбеки, отчасти туркмены) имеют в значительной части одинаковые названия родов, то, напротив, киргизы имеют свой совершенно особый родовой состав, несколько не сходный с родовым составом упомянутых выше народов. Понятно, что этот факт представляется очень важным для уяснения вопроса о происхождении киргизов.

Но самое существенное обстоятельство состоит в другом: в возможности определить, из каких же именно компонентов складывалась та или иная народность. Дело в том, что очень многие из родовых делений оказываются при ближайшем рассмотрении остатками целых племен или народов, хорошо известных в истории; об этом свидетельствует совпадение названий. Такое совпадение повторяется десятками раз и при условиях, делающих совершенно невероятным элемент случайности. К тому же совпадения названий нередко подтверждаются прямыми свидетельствами исторических источников.

Так, например, пишущему эти строки уже приходилось отмечать²⁸, что в числе родовых делений у алтайцев встречаются роды Кыпчак, Майман (Найман), Меркит, Теелес, Кергеш, Тербет, Чорос, Кыргыз, Ойрот, Монгол и другие названия, известные любому историку тюрко-монгольских народов Азии. Приходилось при этом и указывать на те выводы, какие получаются из этой одинаковости названий для проблемы этногенеза алтайцев. Но такой метод отнюдь не нов, ибо по отношению, например, к казахам он был применен и с аналогичными результатами еще в 1890-х гг. Аристовым²⁹ и А. Харузиным³⁰, а первый из этих авторов распространил довольно удачно тот же метод на целый ряд тюркских народов³¹.

²⁸ С. А. Токарев, *Докапиталистические пережитки в Ойротии*, М., 1936, стр. 84—86.

²⁹ См. «Живая старина», IV, вып. 3—4, 1894.

³⁰ «Этнографическое обозрение», XXVI, 1895, № 3.

³¹ «Живая старина», VI, вып. 3—4, 1896 г.

Родовой состав народов, сохранивших родо-племенные пережитки, очень хорошо показывает смешанное их происхождение. В числе родовых делений алтайцев есть наряду с тюркскими роды монгольского, самоедского и даже палеоазиатского происхождения. Не менее пестра картина родового состава узбеков: здесь мы находим и роды чисто тюркские — Кыпчак, Минг, Карлук, Кыргыз, Тюрк, Уйгур, Канглы, и роды несомненно монгольского корня — Мангыт, Джалаир, Найман, Ктай, Татар, Чагатай, Могол, Кунград (Хонкират) и др., а также роды возможно финно-угорского происхождения — Маджар. Монгольскую номенклатуру родов в составе узбекского народа недавно исследовал Номинханов³². С. П. Толстовым очень хорошо проанализирована родовая структура туркмен, не менее, если не более, пестрая³³. Чрезвычайно интересная работа проведена недавно Т. А. Жданко по родовому составу каракалпаков в связи с проблемой происхождения этого народа³⁴.

Еще более широкое значение имеют исследования Г. М. Василевич в отношении тунгусской генеониимики; в составе ее она показала наличие древних этнонимов Центральной и Северной Азии, которые исторически оформлялись и в тюркские и в монгольские этнические группы: таковы этнонимы кимо, киле, бая, дул и др.³⁵ Особо следует отметить недавно вышедшую чрезвычайно интересную работу Л. П. Потапова о происхождении сагайцев³⁶: исследовав детально родовой состав этой небольшой этнической группы (части хакасского народа), автор установил происхождение каждого отдельного рода; большинство их оказалось исторически связано с шорцами — небольшой соседней народностью, живущей в верховьях р. Томи. При этом, что самое интересное, Л. П. Потапов не ограничился одним анализом родовых названий, но использовал предания, обычаи каждого отдельного рода, а также прямые исторические данные. Того же по существу стиля небольшой, но весьма содержательный этюд В. О. Долгих «О родоплеменном составе и распространении энцев»³⁷, где тщательным образом выясняется происхождение отдельных родовых групп этой маленькой северной народности.

Изучение генеониимики дает интересное представление о том времени, когда происходил процесс формирования данной народности, — по крайней мере позволяет установить *terminum post quem*. Чтобы не ходить далеко, возьмем приведенные выше примеры: монгольские по происхождению роды, вошедшие в состав узбекского и других народов Средней Азии (Чагатай, Кунград, Джалаир, Могол и др.), не могли появиться здесь раньше XIII в., они, очевидно, заброшены сюда вторжением Чингисхановых орд; следовательно, процесс включения этих родов в состав тюркоязычных народов Средней Азии, их тюркизация и ассимиляция происходили в этот или в более поздний период времени, а следовательно, и самый процесс формирования названных народов происходил, по крайней мере в этой своей части, в тот же период времени, т. е. в XIII в. или позже.

Метод изучения генеониимики, разумеется, в сочетании с другими источниками дает, таким образом, хорошие результаты. Однако применение этого метода, как это нетрудно видеть, весьма ограничено: он

³² Ц. Д. Номинханов, Следы монгольских племен и родов XIII века, тезисы см. сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 314.

³³ С. П. Толстов, Родовые деления туркмен (рукопись).

³⁴ См. «Краткие сообщения» Института этнографии, VI.

³⁵ Г. М. Василевич, Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов, «Советская этнография», 1946, № 4.

³⁶ Л. П. Потапов, Этнический состав сагайцев, «Советская этнография», 1947, № 3.

³⁷ См. «Советская этнография», 1946 № 4.

пригоден лишь там, где народ сохранил по крайней мере пережитки родоплеменных делений или где последние засвидетельствованы хотя бы старыми источниками. Но и в этих случаях генеонимика не всегда дает нужные для нас указания: очень часто, особенно на ранних стадиях развития роды носят не собственные имена, а тотемические обозначения, которые, разумеется, совершенно бесполезны для нашей проблемы; ведь из того, что у целого ряда племен и народов Австралии, Меланезии, Северной Америки встречается, например, род Ворона, Змея, Волка и т. п., нельзя сделать абсолютно никаких выводов о родстве или общем происхождении этих народов. Практически изучение родовой номенклатуры с интересующей нас точки зрения дало до сих пор положительные результаты только для группы тюрко- и монголоязычных кочевых и полукочевых народов Азии и Восточной Европы. Можно рассчитывать получить аналогичные результаты отчасти и в отношении тунгусо-маньчжурских и некоторых угрофинских народов.

Необходимо указать и на возможность ошибок от слишком смелого пользования данным методом. Сопоставление созвучных названий родов у далеких друг от друга народов, если оно не подкреплено другими данными, может привести к таким же произвольным, необоснованным выводам, на опасность которых мы указываем в начале настоящей статьи, когда говорили об отождествлении названий современных и древних народов.

11

Наиболее полноценную категорию чисто этнографических источников для нашей проблемы составляет сама материальная и духовная культура народа. Исторический анализ ее элементов, если он проведен методологически правильно и если, конечно, сочетается с использованием данных лингвистики и антропологии, дает достаточно объективную и полную картину формирования народности. Но этот метод наиболее груден и очень часто применяется неправильно, ведя к ошибочным выводам.

Такое неправильное применение метода анализа явлений культуры мы находим прежде всего у гребнерианцев. Школа Гребнера, и сам он в первую очередь, сделали, как известно, своей профессией именно изучение элементов культуры в целях открытия культурно-исторических связей между частями населенной человеком земли. Присвоив себе незаконно наименование «культурно-исторической школы», гребнерианцы пытались монополизировать изучение этих связей. Но если присмотреться к их работам с интересующей нас точки зрения, т. е. в свете проблем этногенеза, то мы увидим в них по меньшей мере три принципиальные ошибки: во-первых, изучаемую ими «культуру» гребнерианцы понимают не как процесс труда и творчества, а как чисто механическое скопление коррелирующих между собой и перемещающихся в пространстве, но совершенно неизменных и не развивающихся элементов; во-вторых, сравнение этих элементов между собой производится путем чисто формального сопоставления; в-третьих, проблемы собственно этногенеза, т. е. происхождения народов, гребнерианцы в своих работах в сущности не затрагивают, ибо народ ими игнорируется, будучи заменен более или менее абстрактным понятием «культуры». «Культура» в гребнерианской литературе субстанциализирована. О народе как создателе и носителе культуры сам Гребнер попросту умалчивал, а близкий к нему Фробениус шел дальше, прямо отрицая связь между народом и культурой и интересуясь исключительно последней. Уже по одному этому, если даже не говорить о всех прочих методологических пороках гребнерианской школы, можно сказать, что школа эта для разработки проблем этногенеза не дала ничего. Не менее порочны и

построения датской диффузионистской школы (Хатт, Биркет-Смит), склонной везде искать единый центр происхождения более или менее сходных элементов культуры.

Главная трудность при анализе явлений культуры в целях решения этногонических вопросов заключается, как известно, в неопределенности критериев, позволяющих приписывать сходным культурным формам у разных народов общее или независимое происхождение. Даже в отношении социальных форм, которые, как правило, складываются самостоятельно и закономерно в ходе исторического развития и обнаруживают нередко поразительное сходство у различных народов, без всякой исторической связи между ними,— даже в отношении них приходится нередко допускать влияния одного народа на другой или сохранение традиций, свидетельствующих об общности происхождения народов. Подобного рода заключения, конечно, весьма рискованны. Однако отдельные детали общественного быта, например свадебные и другие обычаи, могут при известных условиях служить критерием исторической связи между народами. Мало дают в этом отношении и религиозные верования и обряды, которые так часто пытались использовать для выяснения проблемы этногенеза: ведь параллельное развитие сходных религиозных представлений на определенных стадиях развития у самых различных народов — явление, достаточно хорошо известное.

Наибольшие результаты дает обычно анализ материальной культуры, как по необычайной изменчивости и разнообразию ее форм, так и благодаря сильному и всегда заметному влиянию традиции, обуславливающей длительное сохранение установившихся особенностей. Но и здесь необходимо всегда учитывать возможность самостоятельного развития параллельных и сходных форм. Критерии для различения последних от форм, имеющих единый центр возникновения, этнографам хорошо известны, но они не имеют бесспорного и строго объективного характера. Этим и объясняются многочисленные споры относительно единого или многих самостоятельных центров происхождения оленеводства, упряжного собаководства, лыж, плужного земледелия, лука и стрел и разных других явлений материальной культуры. Впрочем, в советской науке старый спор между буржуазными этнографами по вопросу — диффузия или параллелизм — в значительной мере утратил свою остроту, ибо советским, марксистски мыслящим ученым совершенно ясно, что любой шаг вперед в культурном развитии человечества делается только тогда, когда появляется определенная общественная потребность, без которой обычно ничто и не «изобретается» и не «заимствуется».

12

Чтобы лучше судить о том, что дает метод анализа культурного инвентаря для решения вопросов этногенеза, было бы лучше всего показать это на конкретных фактах. К сожалению, место не позволяет остановиться, хотя бы кратко, на отдельных примерах той огромной и продуктивной работы, которая проделана до сих пор советскими этнографами в этом направлении. Это могло бы составить тему особой статьи. Здесь мы можем лишь перечислить кратко, на каких этнических группах сосредоточивалось по данному вопросу внимание исследователей за последние годы.

Больше всего сделано в отношении данной проблемы по народам Сибири, где как раз это особенно важно, потому что там очень скудны письменные источники. Внимание этнографов особо привлекали народы, сохранившие наиболее архаичный хозяйственно-культурный уклад,— оседлые рыболовы, кочевые оленеводы, приморские и таежные охотники. Сравнительный анализ элементов материальной культуры этих народов, особенно ительменов, коряков, чукоч, юкагиров, нивхов — всей этой

группы так называемых палеоазиатов³⁸⁻³⁹, уже дал, в сочетании с другими приемами исследования, при использовании также данных археологии, антропологии, языка, возможность не только наметить контуры истории развития хозяйства и культуры, но и представить себе историю формирования этнического облика каждого из этих небольших народов, составляющих как бы реликты древнего этнического пласта населения нашего Севера. По отношению к малым народам Северо-Западной Сибири — обским уграм и самодийской группе — за последние годы сделано тоже немало, особенно трудами Г. Н. Прокофьева и В. Н. Чернецова, а также Б. О. Долгих, для выяснения формирования этих народностей с их своеобразной многослойной культурой. Еще богаче результаты исследования этногенеза якутов: анализ данных культуры этого совершенно своеобразного народа северных скотоводов показал ее чрезвычайную сложность и многосоставность и привел к пересмотру старой упрощенной схемы «переселения якутов с юга»; новейшие археологические раскопки (А. П. Окладникова), данные антропологии и языка — лишь подтверждают выводы этнографического анализа⁴⁰. По другим народам Сибири до сих пор не проделано аналогичного анализа культуры или по крайней мере не получено положительных выводов. Было бы важно подвергнуть тщательному изучению культуру алтайско-саянских народов, бурят, эвенков. Особенно интересных результатов можно ожидать от исследования культуры мелких групп, происхождение которых до сих пор остается неясным: ламутов, долган, телеутов, качинцев, тувинцев.

13

Что касается народов Средней Азии, то при постановке касающихся их этногонических проблем до сих пор почти не применяли анализа явлений культуры. Отчасти это объясняется, может быть, тем, что в таком анализе не ощущалось особенной потребности, ибо процесс формирования народов Средней Азии протекал в значительной мере на глазах истории и поэтому представляется более ясным. Однако, разумеется, решение проблемы этногенеза и здесь не может быть полным без анализа материальной и духовной культуры народов. До сих пор попытки такого анализа делались лишь в немногих случаях — когда дело касалось отдельных обособленных этнических групп. Так, для выяснения вопроса о происхождении дунган экспедиция Московского государственного университета в 1945 г. очень удачно исследовала их материальную культуру и доказала на ней наличие китайского этнокультурного пласта в этой небольшой народности⁴¹. Во всяком случае, очень показателен такой факт: на специальной сессии Академии Наук СССР по вопросам этногенеза Средней Азии, проведенной в августе 1942 г., было прочитано 15 докладов, в большинстве случаев очень содержательных, но из

³⁸⁻³⁹ См. В. Г. Богораз, Древние переселения народов в Сев. Евразии и Америке. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. VI, 1927; А. М. Золотарев, Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии, «Известия Восточного гос. пед. ин-та», т. IV, 1938; Обзор прений по докладам на совещании по этногенезу народов Севера, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941; М. Г. Левин, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947; его же, О происхождении и типах упряжного собаководства, «Советская этнография», 1946, № 4, и многие другие.

⁴⁰ См. С. А. Токарев, Происхождение якутской народности, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941; его же, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1945 и др. Ср. W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkisprachen, Записки Акад. Наук, т. VIII, № 7, СПб. 1908; М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, «Краткие сообщения» Института этнографии, III, 1947; А. П. Окладников, Указ. работы.

⁴¹ Н. Н. Чебоксаров, Дунганская экспедиция, «Краткие сообщения» Института этнографии, III, 1947.

них только в одном докладе (Н. А. Кислякова) был использован, и то в очень ограниченных размерах, этнографический материал, т. е. анализ явлений культуры⁴². Такое положение дела едва ли можно считать благополучным.

Еще меньше сделано в этом отношении на Кавказе. Вопросы происхождения кавказских народов ставились неоднократно и в дореволюционной и в советской литературе, но для решения их привлекались до сих пор любые источники, кроме только этнографических. В литературе не раз обсуждались вопросы отношения современных народов Кавказа к древним — тубалам, мушкам, хеттам, колхам, халдам, албанам, сарматам, аланам, зихам и многим другим; не раз ставились и вопросы глоттогенеза (вспомнить хотя бы труды Марра); использовался и археологический материал (Крупнов, Куфтин, Миллер) и антропологический (Бунак, Ярхо, Дебец). Но данные этнографии, т. е. в первую очередь сравнительный анализ явлений культуры современных кавказских народов, для решения этногонических проблем почти совершенно не использован (исключение составляют некоторые работы грузинских этнографов: Читая, Робакидзе, Бардавелидзе и др.). А между тем новейшая советская этнография Кавказа накопила огромный фактический материал, совершенно достаточный для того, чтобы его мобилизовать для решения проблем этногенеза кавказских народов.

14

Хорошие результаты получены от применения описываемого метода к проблемам этногенеза народов Поволжья. Здесь особо надо отметить серьезные и оригинальные работы Н. И. Воробьева о казанских татарах⁴³. Тщательный и всесторонний анализ культуры этого народа позволил автору прийти к определенным выводам о его составе и происхождении. Воробьев находит в различных элементах культуры татар, донные бытующей, отложения двух основных историко-культурных слоев: лесной, охотничье-земледельческой культуры и степной, кочевнической, со степным же земледелием культуры; позднейшими являются культурные вклады — среднеазиатский и русский. Все эти разные по своему происхождению элементы переплелись между собой и образуют хотя и пеструю по составу, но монолитную культуру татарского народа. С этими выводами не расходятся по существу и взгляды А. П. Смирнова, хотя последний базируется в основном на археологическом материале⁴⁴.

Совершенно иным был процесс, приведший к формированию башкирского народа и его культуры. Последняя подробно описана и проанализирована в работе С. И. Руденко⁴⁵. Этнокультурный состав башкирской народности еще более пестр, чем только что упомянутых татар. Но здесь отдельные культурные типы почти не смешиваются между собой,

⁴² См. «Советская этнография», VI—VII, 1947, Сессия по этногенезу Средней Азии. В новейших работах С. П. Толстова «Древний Хорезм» (М., 1948) и «По следам древнехорезмийской цивилизации» (М., 1948) содержится богатейший материал, проливающий свет на процесс этногенеза народов Средней Азии. Однако этнографический материал в собственном смысле слова автором привлекается в этих работах лишь от случая к случаю. Это же самое можно сказать и о статье того же автора «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» («Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947).

⁴³ Н. И. Воробьев, Материальная культура казанских татар, Казань, 1930; его же, Происхождение казанских татар по данным этнографии, «Советская этнография», 1946, № 3.

⁴⁴ А. П. Смирнов, К вопросу о происхождении татар Поволжья, «Советская этнография», 1946, № 3.

⁴⁵ С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2-я, Л., 1925.

а размежеваны географически: в восточной, степной части Башкирии еще недавно господствовал кочевой скотоводческий тип хозяйства, в северо-западной — оседлоземледельческий, в центральных горных районах — полуоседлый промысловый. Эти три области по господствующим формам хозяйства и культуры тяготеют к трем крупным историко-этнографическим областям: степному кочевому тюркскому миру Средней Азии, финноязычным земледельческим народам Поволжья и промысловому-таежному племенам Севера. Таким образом, башкирский народ представляет собой сложное скрещение разнообразных этнокультурных элементов. Вывод этот, подтверждаемый данными антропологии и отчасти генеониимики, вытекает из материала, собранного С. И. Руденко, с тем большей очевидностью, что этот автор ставил своей целью доказать нечто совсем иное — однородное, чисто тюркское происхождение башкирского народа ⁴⁶.

За последние годы началась работа по анализу культуры удмуртов и коми-зырян в связи с этногонической проблемой. Здесь много дали исследования В. Н. Белицер по костюму удмуртов и бесермян, выявившие в составе этих народностей древне-булгарский и позднейший «татарский» слой ⁴⁷.

Материальная культура коми-зырян, серьезное изучение которой только начинается, обнаруживает следы нескольких культурно-исторических наслоений; древнейшим из них является северная промысловая таежная культура, а позднейшим — мощный культурный вклад, принесенный русской колонизацией. Уже намечаются пути и направления культурных связей, под влиянием которых шло формирование народа коми и его культуры.

15

Наконец, почти целиком еще не тронуте богатейшее поле работы по анализу культуры восточнославянских народов с точки зрения этногонической проблемы. Собранный материал, вполне пригодный для обобщений, колоссален, но обработка его в интересующем нас направлении едва лишь началась. То, что в этой области сделано, составляет каплю в море. Кое-какие выводы, правда, уже намечаются. Недавно была сделана чрезвычайно интересная и в общем удачная попытка использовать этнографические данные для выяснения древних исторических связей между восточными славянами и дунайскими болгарами: П. Н. Третьякову удалось достаточно убедительно — хотя и на неполном материале — показать, что целый ряд культурных форм, свойственных теперь или в прошлом восточнославянскому населению (типы жилищ, формы одежды и пр.), донныне бытует или еще недавно бытовал у болгар ⁴⁸. П. Н. Третьяков вполне правильно связывает эти факты с историей славянской колонизации Балканского полуострова: в заселении восточной его части принимали участие, очевидно, главным образом восточнославянские (антские) племена; при этом, конечно, отдельные восточнославянские группы должны были проникать, как справедливо указывает Третьяков, и в другие области полуострова. Подобные исследования, по совершенно верно замечанию того же автора, должны пролить свет «на важнейшую проблему братских связей славянских народов СССР и славянских народов Балканского полуострова». Однако работа в этом направлении едва лишь начата.

⁴⁶ С. И. Руденко, Указ. раб., стр. 319.

⁴⁷ В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам женской одежды), «Советская этнография», 1947, № 4; ее же, Национальный костюм удмуртов, «Краткие сообщения» Института этнографии, II; ее же, К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды), Труды Института этнографии, новая серия, I, 1947.

⁴⁸ П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, «Советская этнография», 1948, № 2.

Для проблемы этногенеза восточных славян ценны и работы, охватывающие лишь мелкие местные и этнические группы, однако ставящие на их материале общие вопросы. Здесь надо упомянуть такие работы, как книга Б. А. Куфтина о материальной культуре русской мешеры, как исследования С. П. Толстова по Вятско-Ветлужскому краю (к сожалению, оставшиеся незаконченными), как работа Н. И. Лебедевой о постройках Белоруссии, о народном костюме Брянского Полесья, как интересные этюды Н. П. Гринковой по южновеликорусской этнографии и т. п.⁴⁹ Но все эти исследования, очень важные и нужные, представляют собой лишь подготовительные работы, предварительную обработку материала в узких масштабах. За ними должны последовать более широкие обобщения, а их пока нет. Эти обобщения рано или поздно развернут огромную картину этногенеза восточнославянских народов и осветят этот процесс гораздо полнее и конкретнее, чем это делалось до сих пор на основе только данных археологии, антропологии и языка.

16

Сформулируем кратко наши выводы.

Изучение этногенеза отдельных народов составляет чрезвычайно сложную проблему. Полное решение ее невозможно без учета всех сторон этногонического процесса и без привлечения всех видов источников. К сожалению, этого в большинстве случаев не делается, и проблема происхождения того или иного народа чаще всего решается на каком-нибудь одном материале — антропологическом, языковом, археологическом и пр. В результате получается одностороннее решение проблемы.

Нетрудно видеть, что источники для решения этногонических проблем неравноценны. Меньше всего дают в большинстве случаев письменные свидетельства, хотя они как раз используются наиболее широко. Историки зачастую считают достаточным ответом на вопрос о происхождении данного народа, если они находят имя этого народа, а тем более сведения о месте его обитания, в каком-нибудь древнем письменном памятнике. Между тем даже в случае полной гарантии тождества имен (современного и древнего) и полной уверенности в его географической локализации, — что бывает редко, — для проблемы этногенеза, как мы ее теперь понимаем, это очень мало дает. Немногим больше подвигает нас к решению проблемы установление связи между названиями того или иного современного народа (или группы народов) и древнего (славяне — венеда — невры, чуваша — булгары, якуты — курыканы и пр.). Эти сопоставления могут быть сами по себе и верными, но они, самое большее, указывают на направление, в котором следует искать исторические связи данного народа, проблеме же этногенеза они разрешают мало. Антропологический материал дает гораздо больше: расовый анализ устанавливает как бы физический состав данной народности, элементы, из которых сложилось само население; он обнаруживает и реальные исторические связи между народами, смешение, миграции, кровное родство народов. Однако и здесь, даже при достаточно полном анализе, при точных и надежных результатах, до решения проблемы этногенеза еще далеко. Археологические источники могут дать ясное представление о культурной преемственности на определенной территории, о связях культур смежных и даже более отдаленных территорий; но они опять-таки мало дают сами по себе для решения этногонических проблем, ибо археологический материал улавливает лишь культуру, но не народ. Принадлежали ли сменяющие друг друга на данной территории памят-

⁴⁹ Б. А. Куфтин, Материальная культура русской мешеры, ч. 1-я, М., 1929; Н. И. Лебедева, Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР, М., 1929; ее же, Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки, М., 1927; Н. П. Гринкова, Воронежские диалекты, Л., 1947, и др.

ники одному народу или разным, один ли народ или разные, родственные или чуждые друг другу жили на широкой территории, где встречаются памятники однородной культуры,— на эти вопросы археология сама по себе не может ответить. Лингвистика всего более способна приблизить нас к решению проблемы этногенеза: ведь язык — важнейший из этнических признаков. Но и этот источник один, сам по себе, недостаточен. Происхождение языка — не есть происхождение народа. Границы языка зачастую не совпадают с границами народа. Язык, кроме того, далеко не исчерпывает характеристики народа. Народ характеризуется всегда множеством признаков, он представляет собой сложный комплекс исторически сложившихся особенностей, бытовых черт, материальной и духовной культуры. Понять происхождение народа — это значит разъяснить все эти особенности, установить их генезис и развитие.

Вот почему именно этнография и только этнография, как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза каждого данного народа. Но она может дать такое решение не в отрыве от других упомянутых выше наук, ибо такие попытки неизбежно приводят к отрыву культуры от народа, чем грешила гребнерианская школа,— а непременно в тесном сотрудничестве с ними.
